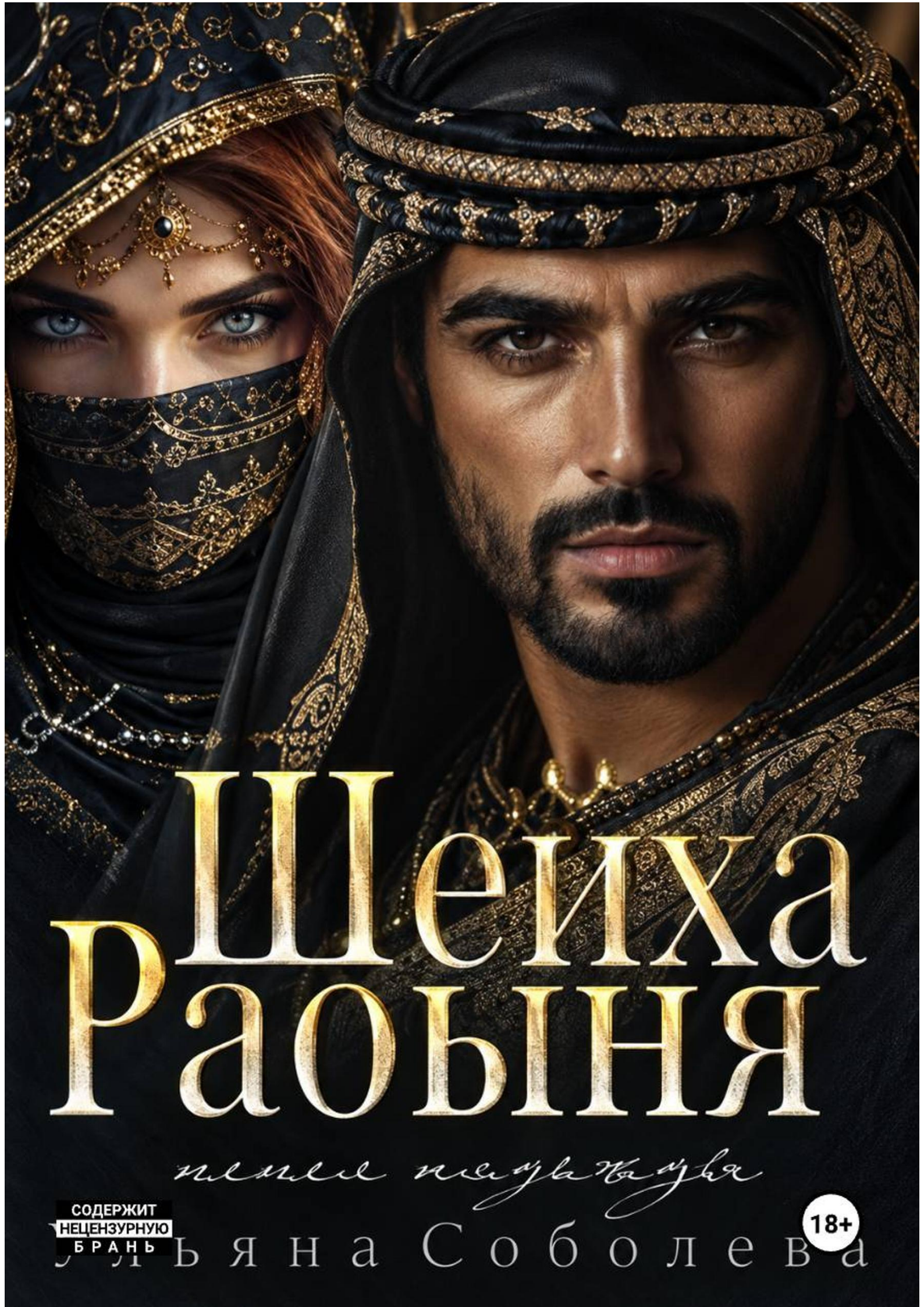

Шейха Рабыня

мемел негузжуга

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Лияна Соболева

18+

Ульяна Соболева

Рабыня шейха. Пепел надежды

«Автор»

2026

Соболева У.

Рабыня шейха. Пепел надежды / У. Соболева — «Автор», 2026

Он забрал у меня даже право на голос, но не смог забрать мою волю. Он думает, что может приходить ко мне, заявлять свои права, причинять мне боль и снова уходить, будто я ничтожное НИКТО. Но даже теперь, когда моя надежда превратилась в пепел, во мне горит слабый огонёк. Я должна найти способ выжить ради себя, ради тех, кого я люблю, и ради ребёнка, который растёт внутри меня. Я буду бороться. Даже если это значит стать никем и ползать в грязи. Даже если мне придётся смотреть в глаза своему мучителю каждый день, пока я ищу выход. Они думают, что я сломлена, но я буду продолжать сражаться. Я найду способ доказать свою невиновность. И если мне придётся пройти через ад, чтобы вернуть себе право на счастье, я это сделаю.

© Соболева У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ульяна Соболева

Рабыня шейха. Пепел надежды

РАБЫНЯ ШЕЙХА. ПЕПЕЛ НАДЕЖДЫ

Книга 2

Ульяна Соболева

Аннотация:

Он забрал у меня даже право на голос, но не смог забрать мою волю. Он думает, что может приходить ко мне, заявлять свои права, причинять мне боль и снова уходить, будто я ничтожное НИКТО. Но даже теперь, когда моя надежда превратилась в пепел, во мне горит слабый огонёк. Я должна найти способ выжить... ради себя, ради тех, кого я люблю, и ради ребёнка, который растёт внутри меня.

Я буду бороться. Даже если это значит стать никем и ползать в грязи. Даже если мне придётся смотреть в глаза своему мучителю каждый день, пока я ищу выход. Они думают, что я сломлена, но я буду продолжать сражаться. Я найду способ доказать свою невиновность. И если мне придётся пройти через ад, чтобы вернуть себе право на счастье, я это сделаю.

Глава 1

Я вздрогнула и вцепилась в стену ещё сильнее. Тонкий луч света прорезал темноту, осветив часть комнаты, но он не принес облегчения. Он обнажил меня, заставил чувствовать себя ещё уязвимее. Я могла бы броситься в угол, спрятаться в тени, но знала, что это бесполезно.

Он стоял в дверном проёме — высокий, с широкими плечами, которые, казалось, заполняли весь проём, не оставляя места для света. Он стоял так, словно сама тьма выпустила его наружу, чтобы напомнить мне, что спасения нет. Сначала я видела только его силуэт — смутный, неясный, будто он сливался с тьмой, как её часть. Но потом мои глаза привыкли, и я разглядела его лицо. И это было ещё хуже. Его взгляд был тяжёлым, как плита, придавливающим к полу, не дающим пошевелиться. Он не произнёс ни слова. Ему не нужно было говорить. Я видела всё в его глазах — холод, ярость, разочарование и желание моей смерти. Эти глаза, которые когда-то были для меня горящими, яркими, в которых я видела что-то большее, чем просто жестокую власть, сейчас жгли, как раскалённые лезвия. Они пронзали меня насквозь, и я чувствовала, как под этим взглядом я уменьшаюсь, сжимаюсь, превращаюсь в ничто.

Я пыталась отвести взгляд, но не могла. Он захватил меня этим взглядом, как хищник захватывает свою добычу. Я была прикована к нему, и это было самое страшное — я не могла вырваться из этой ловушки. Я чувствовала, как моё сердце сжимается, сжимается всё сильнее, пока не остаётся только боль, такая острая, что хочется закричать. Я знала, что он пришёл не для того, чтобы выслушать мои оправдания. И это осознание было, пожалуй, страшнее всего.

Я пыталась найти слова, объяснить ему, что всё это ложь, что я не делала ничего плохого. Но мой голос застрял где-то в горле, как комок, который я не могла проглотить. Я открывала рот, пыталась что-то сказать, но из него не вырывалось ни звука. Это было как в кошмаре, когда ты пытаешься закричать, но не можешь, потому что ужас парализовал тебя. И мне оставалось только смотреть на него, на его холодные глаза, и ждать.

В этот момент я поняла, что больше не принадлежу себе. Я принадлежала ему, целиком и полностью, и он мог делать со мной всё, что захочет. Эта мысль обожгла меня, и мне захотелось исчезнуть, раствориться в этой тьме, стать невидимой. Но я не могла. Я должна была стоять, смотреть ему в глаза, пока он медленно приближался ко мне. Шаг за шагом, неумолимо, как рок.

Тени сгущаются, словно ожившие твари, которые ползут по стенам, затаившись, крадутся ближе, будто хотят накрыть меня своим холодным мраком и скрыть от мира то, что сейчас происходит. Они шевелятся, изгибаются, как хищные звери, готовые ринуться в атаку, и я вижу, как они хватают меня своими тёмными лапами, словно утягивают вниз, в бездну, из которой нет выхода. Подвал становится теснее, воздух густеет, обволакивает меня липкой пеленой страха. Здесь будто бы нет времени, нет звуков — только шорох его шагов, едва слышимый, как удар ножа по плотной ткани. Я вслушиваюсь в каждый его шаг. Он идёт медленно, размеренно, как будто смакует каждый миг, как будто наслаждается этой тишиной перед бурей. Мои собственные вдохи сдавленные, прерывистые, тяжёлые, и кажется, что каждый из них — это моя последняя попытка дышать, последний шанс вдохнуть жизнь в своё застывшее тело. Тёмные стены впитывают эти звуки, искажают их, и в этот момент я не уверена, слышу ли я своё дыхание или его. Мы слились с этим подвалом, с его мраком и холодом. Я — часть этой тьмы, и он — её повелитель.

А потом — резкий, внезапный звук, хлесткий удар плети. Звук разрывает тишину. И... по моему телу проходит первая судорога. Это боль, но не только боль — это напоминание. Напоминание о том, что я ничто. Я не закричала. Прикусила губу до крови, чувствуя, как солёный вкус растекается по языку, чтобы не дать воле крику, который уже готов был вырваться из

груди. Нет. Он не должен увидеть, что мне больно. Он не должен видеть, что я сломлена. Даже сейчас, когда меня охватывает страх, я пытаюсь удержать это хрупкое ощущение силы, не дать ему разрушить меня окончательно. **Почему?** Это единственная мысль, что стучит в голове. Почему он меня не убивает? Как он мог поверить этой лжи, этим грязным, подлым тварям? Разве он не чувствует? Я хочу, чтобы он услышал меня, понял, но мои губы не произносят ничего, кроме сдавленного невнятного шепота. И я вижу, что он не слушает. Он смотрит на меня, но не видит. Его глаза холодные, как лёд, они не отражают ни капли сомнения. Нет в них жалости. Только пустота, которая пугает меня до глубины души. Как будто этот человек, которого я знала, исчез, уступив место чему-то тёмному, чужому, опасному. **Жестокое удовольствие.** Оно мелькает в его глазах, как слабый отблеск света в темноте, и меня пугает этот проблеск больше всего. Он не должен был быть таким. Он не должен был смотреть на меня так, как будто я — его добыча, которую нужно сломать, чтобы удержать рядом. Но именно это я вижу. Он как будто хочет доказать себе, что я всё ещё его, даже если для этого нужно уничтожить меня. Сломать до конца, чтобы я никогда больше не смогла встать.

Глава 2

Его руки жёсткие, неумолимые. Хватают меня, дергают, прижимают к стене, и я чувствую, как крошится штукатурка у меня за спиной, как этот холодный камень впивается в кожу, оставляя на ней следы, как метки его власти. Моя голова откидывается назад, глаза на мгновение закрываются, и я вижу тьму — такую же, как эта комната, такую же, как он сейчас. Я снова открываю глаза и вижу его перед собой. Он близко, так близко, что я чувствую тепло его дыхания, но это тепло не приносит утешения, оно жжёт, как огонь, обжигает кожу.

Я смотрю на него, и не могу найти ничего, что могло бы остановить этот поток боли, что вырывается из его глаз. Я хочу попросить его остановиться, хочу сказать, что я не виновата, что я ничего не делала. Но он не услышит. Он не захочет услышать. В его глазах я уже предала его, и теперь он должен доказать свою власть, должен почувствовать, что может уничтожить меня, если захочет. И я не знаю, как справиться с этим, как заставить его поверить.

Он схватил меня за шиворот и разодрал ночнушку так что я осталась голой.

- Не надо..., - прошептала я, а он взмахнул хлыстом и тот просвистел возле моего уха. Потом одной рукой сдвинул мои волосы на затылке, а другой растегнул штаны. Еще секунда и властная, жестокая рука ухватила меня за волосы на затылке и дернула к себе.

- Соси, сука! Ты умеешь! Или я этим хлыстом сдеру с тебя шкуру!

От унижения защемило сердце, но мне не дали передышки и огромный, горячий член Амирта ворвался в мое горло до упора. Я удавилась им, поперхнулась, но он сдвинул мою голову обеими руками и бешено трахал меня в рот. До рвоты, до боли, до слез и соплей. Его член поршнем врезался в меня короткими толчками, не давая продохнуть, я металась, хватала скрюченными пальцами воздух, царапала его, но ему было плевать. Он рычал и долбил как ошалелый. Потом схватил за волосы, швырнул на живот, подтянул к себе за ноги, раздвинул мне ноги коленом и резко вошел в меня. Я закричала от боли. Потому что его член буквально разодрал меня на части. Растянул так, что казалось я лопну, разорвусь на куски. Ничего подобного я никогда не ощущала. Огромная, горячая кувалда, которая достаёт до матки и толкается в нее так что темнеет в глазах. Он больше меня, он такой большой, что я понимаю — весь в меня не вошел. И никакой передышки, вдавив мою голову в пол он бешено трахал меня. Со всей жестокостью, грубостью, безжалостностью. Трепал за грудь, сдавливал соски, оставляя на мне синяки. Он превратился в зверя, в бешеного голодного, безжалостного. И я уже не кричала, я скулила, заливаясь слезами и мечтая, чтобы это скорее прекратилось... Но это тянулось бесконечно долго. Он зажал хлыстом мое горло притягивая спиной к себе и бешено дико драл меня. Выкрикивал что-то на арабском...скорей всего ругательства. Потом с ревом кончил внутри, делая последние толчки.

Мое тело предательски сотрясается, как натянутая струна, которая вот-вот порвётся, и я не могу это контролировать. Боль проходит через меня, как электрический разряд, заставляет мышцы дёргаться, изгибает меня. В этой темноте уже кричать бесполезно — её не пробить криком. Оставил меня, перевернул на спину, поднялся на ноги, возвышаясь надо мной. Застегивая штаны и заправляя рубашку.

- Тебя закопают в землю и забьют камнями...Как последнюю шлюху.

Слёзы застилали мне обзор, размывая его лицо, превращая его черты в тени. Я чувствовала, как внутри что-то обрывается, разлетается на осколки, которые нельзя собрать. Это не была просто физическая. Это была боль предательства, боль утраты — как будто весь мой мир разрушился за одну ночь, и я ничего не могла сделать, чтобы его вернуть.

Он отстранился, резко, словно это я причинила ему боль. На его лице мелькнуло что-то, что я не успела понять — гнев, разочарование, презрение, — и он развернулся, уходя, оставив

меня в этом подвале, будто я была грязной использованной тряпкой, которую нужно вышвырнуть. Его шаги стихли где-то вдалеке, гулко отдавшись в стенах, и только тогда я позволила себе осесть на пол, как раненая птица, прижав руки к груди, чтобы не дать этому ужасу разорвать меня изнутри. На спине саднит удар от хлыста. Я наверное долго не смогу говорить и сидеть... Но самое жуткое я не смогу дышать после этого кошмара.

Я не знала, сколько прошло времени. Может, минуту, может, час. Я просто сидела там, дрожа, чувствуя, как по истерзанному телу пробегает волна за волной, и в голове была только одна мысль — **я сломана**. Он сломал меня. И я не знаю, как собрать себя заново. Теперь только смерть. Когда за мной придут, чтобы убить.

Глава 3

Утро пришло слишком быстро, будто издевательски насмехаясь надо мной. Как можно было спать в этой сырой, пропитанной холодом тьме подвала? Сон был рваный, болезненный, прерываемый тяжёлыми мыслями и острой болью, которая отзывалась во всём теле. Я то и дело вздрагивала, просыпаясь от собственного дыхания, как будто мой организм не хотел позволить мне забыться даже на минуту, а потом снова проваливалась в какой-то вязкий мрак, полный искажённых образов, теней и ЕГО жестоких глаз.

Но всё же утро настало, как нож, воткнувшийся в рану. Словно прокручиваясь в обнаженном мясе и причиняя еще больше страданий. Все тело болит. Промежность горит огнем. На груди синяки, на всем теле синяки. Посмотрела в окно вверх. Сначала это был тонкий луч света, который проник в темноту подвала, заставив меня шуриться. Свет был нестерпимо ярким, колючим, он резал глаза. Я отвернулась, но он пробивался через веки, заставляя снова и снова возвращаться в реальность, от которой я хотела сбежать. Реальность, где всё это произошло на самом деле.

Я не успела даже подумать о том, что будет дальше, как услышала скрип дверей и приглушённые шаги. Две женщины вошли внутрь. Я знала их. Служанки гарема, которые раньше подносили мне изысканные блюда, одевали меня в самые красивые наряды, следили за тем, чтобы мои волосы сияли под лучами солнца. Когда-то они улыбались мне, почтительно склоняли головы, угождали, лебезили и чуть ли ноги не целовали. Теперь на их лицах не было и намёка на те улыбки. Только суровые, холодные выражения, будто это не они видели меня ещё недавно в роскоши и золоте. Будто я была для них чужой, ничем не отличавшейся от остальных.

Для них я больше не существовала как человек. Куда они меня отведут? На казнь? Меня забросают камнями как он сказал?

Они не сказали ни слова. Никаких приказов, никаких угроз. Они просто подошли ко мне — медленно, бесшумно, будто боялись, что я попытаюсь сопротивляться. Но что я могла сделать? Моё тело было тяжёлым, уставшим. Я только смотрела, как они начали снимать с меня украшения, каждое из которых ещё недавно сверкало на моих запястьях, шее, пальцах и ушах.

Их руки касались серыг и браслетов с такой резкостью и грубостью, будто украшения обжигали их. Но это я чувствовала этот огонь, как будто с каждым прикосновением они вытягивали из меня остатки гордости, отбирали всё, что ещё делало меня собой. Они снимали цепочку... мою цепочку с сердечком, которая принадлежала маме... а я почувствовала, как что-то внутри меня оборвалось, как струна, которую натягивали слишком долго. Когда последняя серьга была снята с уха, я почувствовала себя голой. Это было не просто ощущение физической уязвимости — это было ощущение, что они вырвали из меня нечто важное, без чего я уже не могу быть собой.

Это было хуже, чем удар. Это было уничтожение. Они смотрели на меня, но не видели. Для них я была уже не частью этого мира, а лишь пустым грязным сосудом, который можно наполнить чем угодно или оставить гнить в темноте. Я чувствовала, как под их взглядами моя кожа горит, как будто они раздевали меня не только от одежды, но и от последней капли достоинства.

Рваная ночнушка соскользнула с моих плеч, шелестя, как засохшие листья. Я почувствовала, как она сползает вниз. Мне бросили другую одежду, которую они принесли. Ткань царапала кожу, жесткая, как наждачная бумага. Она была чёрного цвета, без единого украшения, и будто специально создана, чтобы причинять дискомфорт. Я ощущала каждое прикосновение этой ткани, как напоминание о том, что я больше не достойна ничего лучшего.

Теперь я была просто частью этой грязной, тёмной реальности, как мусор, который больше не нужен. Меня вывели из подвала, и я чувствовала, как сердце сжимается от боли. Они не смотрели на меня, не говорили со мной, просто вели, словно я была пленницей, которую нужно доставить к месту назначения. Я подняла голову и увидела свет — настоящий, яркий солнечный свет, который резал глаза, и меня захлестнуло ощущение потери. Я вспомнила, как свет ложился на шёлковые подушки в моих прежних покоях, как тёплый ветер шевелил занавески, и я могла наслаждаться видом, который открывался из окна. Вид, который теперь остался где-то далеко, словно в другом мире, к которому у меня больше нет доступа. Я вдруг схватила одну из них за руку, но она ее одернула будто я была прокаженной.

- Скажи...где Амаль? Что с ней?

- Умерла твоя Амаль в лазарете.

Ответила другая по-русски и дернула меня за плечо чтоб я шла дальше. Потрясенная я шла за ними, чувствуя, как горлу подступает тошнота. Амаль убили. Я в этом не сомневалась, убили, потому что она была предана мне.

Меня вели по коридорам, и я чувствовала, как взглядом прощаюсь с каждой деталью, с каждой гранью этого великолепия, которое стало для меня не просто домом, а символом моего положения, моего триумфа, моей маленькой победы над этим миром. Я цеплялась за каждую мелочь — за узоры на коврах, за мерцающие люстры, за запахи дорогих ароматов, которые пронизывали воздух. Но всё это уходило от меня, всё это растворялось, как дым. Как и мечта помочь дочери, привезти ее сюда, увидеть мою девочку я уже не говорю о том, чтобы она всегда была рядом.

Мы прошли через двор, и я поймала на себе взгляды других женщин. Их лица были спокойными, бесстрастными, но я видела в их глазах затаённое удовольствие. Они смотрели на меня, как на падшую звезду, которая сгорела и свалилась в грязь. И я чувствовала, как эти взгляды жгут, как они раздирают меня изнутри, уничтожая последнее, что ещё держало меня на ногах.

Меня уводили в дальний угол гарема, где жили только те, кто потеряли любой статус. Моя новая реальность. Маленькая, тёмная комнатка с низким потолком, с железной койкой и одной грязной лампой, которая едва давала свет. Эта комната была настолько чужой и враждебной, что я не могла поверить, что теперь это моё место. Я вошла внутрь, и дверь за мной закрылась. Я услышала, как она щёлкнула замком, и этот звук был как финальный аккорд — грубый, жёсткий, окончательный. Это была тишина, которая говорила громче любых слов. Теперь я принадлежала не к их миру, не к их роскоши. Я села на жёсткую койку, чувствуя, как её пружины врезаются в тело, и посмотрела на свои руки. На запястьях остались следы от его пальцев, тонкие красные полосы. И я чувствовала, как боль разрывает меня изнутри, как эта новая реальность накрывает, как волна, лишая меня сил бороться.

Это было хуже, чем наказание. Хуже, чем боль. Это было уничтожение, которое не оставляет шанса на восстановление.

Глава 4

Каждое утро начиналось с криков Фарида. Я уже перестала различать, во сколько просыпаюсь. Это было похоже на сон, из которого невозможно вырваться. Всё сливалось в одну бесконечную цепь: холодное утро, грубый голос, запах сырого камня. Меня вытаскивали из жалкой, тёмной комнатки и вели к Фариде, как на казнь. Снова и снова, пока я не стала почти невосприимчивой к её крикам и угрозам. Почти.

«Будешь чистить полы в зале,» — сказала она мне сегодня утром, её голос был хладнокровным, как лёд. Фариде даже не смотрела на меня, когда отдавала приказ, её губы изгибались в жестокой усмешке. Она не давала мне права на протест. Она видела в этом что-то личное, будто бы каждое моё наказание было её маленькой победой. А ведь когда-то я заступилась за нее... Только она наоборот считала, что ее наказали из-за меня.

Я молча взяла ведро и щётку, опустила глаза и пошла туда, куда мне велели. В моём положении не было смысла спорить. Единственное, что оставалось, — терпеть. Но я ненавижу это. Каждая унижительная задача, каждое задание сжимало меня, будто петля на шее. Я опускалась на колени и начинала скрести полы, а Фариде наблюдала. Всегда. Я чувствовала её взгляд, как удар хлыста. Холодный, насмешливый, жестокий. Я пыталась уйти в свою собственную реальность, где я сильнее, чем она думает, где эта щётка — оружие, которым я буду бороться, пока она не осознает, что не сломила меня.

Но пока реальность оставалась прежней. Я терла полы до боли в пальцах, пока кожа не становилась красной и не начинала трескаться. Снова и снова. И каждый раз я слышала её голос, который резал, как нож, заставляя меня сгибаться ниже. Я чувствовала на себе её холодное удовлетворение. Ей нравилось смотреть, как я прогибаюсь, как мои руки дрожат, но я продолжаю. Другие женщины проходили мимо. Они видели меня. И я видела их — тех, кто ещё недавно склонял передо мной головы, улыбался, когда я заходила в комнату. Теперь их взгляды были наполнены презрением и скрытым удовольствием. Это был спектакль, который они хотели наблюдать до конца. Удивительно, как быстро они изменились. Или, может быть, они всегда были такими, а я просто не замечала? Теперь их шепот был подобен яду, который проникал в каждую клеточку моего сознания, даже когда я старалась не слушать.

«Вот что бывает с теми, кто задирал нос выше положенного,» — услышала я однажды. Старая, толстая женщина с кривой улыбкой стояла, прислонившись к стене, и смотрела, как я несу ведро с водой. «Была высоко, а теперь ползёт в грязи, где ей и место.» Я почувствовала, как в груди вспыхивает злость, но я молча прошла мимо. Мне не хватало дыхания, чтобы отвечать. Я не могла позволить себе кричать. Это было бы победой для них.

Но внутри я кипела. Каждое слово, каждый взгляд, который скользил по мне, как лезвие, делал меня сильнее. Я собирала их ненависть, как капли яда, чтобы однажды найти способ использовать её против них. Они думали, что я сломана. Что я больше ничто. Но я не позволю им увидеть, как их насмешки касаются меня. Я не дам им этого удовольствия.

Фариде не упускала случая напомнить мне, что я здесь лишь для того, чтобы служить. Она словно наслаждалась тем, что имела власть надо мной. Каждый мой шаг, каждое действие — всё вызывало в ней придирки. Даже если я всё делала идеально, она находила способ унижить меня.

«Не смотри на меня так, как будто ты имеешь право, — произнесла она однажды, когда я подняла на неё глаза. — Ты будешь смотреть в пол, когда я с тобой говорю, поняла?» Её голос был низким, как гул грозы, медленно приближающейся. Я опустила глаза, сжав зубы, но она видела, что я ненавижу её. И эта ненависть, кажется, питала её, как вино питает жаждущего.

Она заставляла меня мыть полы, потом грязные котлы, потом снова мыть полы, пока мои руки не покрывались язвами от щёлочи. Я чувствовала, как моя кожа горит, но продолжала работать, делая всё, чтобы не думать о боли. А Фарида просто стояла и наблюдала, будто это был спектакль, поставленный специально для неё. Иногда она тихо хмыкала, и это было хуже любых слов. В один из таких дней я стояла у огромных котлов, наполненных кипятком. Мне нужно было нести вёдра с горячей водой для омовений, которые готовились для других женщин гарема. Я всегда делала это быстро и бесшумно, чтобы не привлекать лишнего внимания, но в этот раз что-то пошло не так. Одно из вёдер выскользнуло из моих рук, и горячая вода пролилась на мою руку. Я почувствовала, как кожа мгновенно обожглась, будто её пронзили раскалённым железом. Боль была такой острой, что я чуть не вскрикнула.

Фарида увидела это. Её глаза вспыхнули, и я поняла, что это момент, которого она ждала. «Неловкая, бесполезная девка!» — закричала она, её голос был резким и громким, как хлёсткий удар. Она подошла ко мне, выхватив ведро из моих рук, и бросила его на пол так, что вода разлетелась во все стороны. Я чувствовала, как обожжённая кожа на руке пульсирует, но молчала, стискивая зубы.

«Ты не можешь сделать даже это, а хочешь, чтобы тебя уважали?» — она произнесла это с ядовитой усмешкой. «Работай. Никто не будет жалеть тебя. И я запрещаю кому-либо помогать этой никчёмной!» — её голос был таким холодным, что я почувствовала, как он пробирается под кожу. Она говорила это всем вокруг, чтобы даже у самых жалостливых не возникло желания предложить мне помощь.

После того, как меня заставили закончить работу с обожжённой рукой, я старалась ускользнуть незаметно, скрыться в коридорах дворца, как ничтожная тварь, которой и стала. Кожа на ладони горела, будто внутри огонь, и каждый шаг, каждое движение отдавалось тупой, мучительной болью. Я чувствовала, как обжигающее тепло расплывается по руке, пульсирует в пальцах. Хотелось застонать, разрыдаться, но я не могла позволить себе слабость. Здесь, где каждый взгляд цепляется за твою боль, чтобы смаковать ее, любое проявление слабости — это подарок врагам. А потом я увидела КОРОЛЕВУ. Она шла, задрав голову в шикарной одежде, вся в золоте с броским макияжем. Довольная собой в окружении своих шавок.

Я опустила глаза, стараясь пройти мимо, но Лейла заметила меня сразу. Секунда — и я уже слышала её медленные шаги. Она не просто шла ко мне, она подбиралась, как хищница, чьи когти царапают каменный пол. Её губы изогнулись в улыбке, тонкой, как лезвие ножа, хищной, но столь сладкой, что на миг я растерялась. Будто передо мной была не женщина, а сама смерть, красивая и жестокая, заволаживающая и беспощадная.

«Бедная девочка...» — её голос был как шёлк, мягкий, тягучий, но я чувствовала, как под этим шёлком скрывается серная кислота. Она сделала шаг ближе, и я уловила знакомый, удушающий аромат её духов — тяжёлый, сладковатый, с горькой ноткой мускуса. Этот запах всегда оставлял за собой шлейф, как тонкий яд, который впитывался в кожу и не исчезал. Я уже знала, что, вдохнув его, не забуду больше ни один момент, когда она будет рядом.

«Ты всё ещё надеешься, что сможешь выбраться из всего этого?» — прошептала она, её глаза блеснули, будто в них мелькнул отблеск света. В этом блеске не было ничего тёплого — только холодная насмешка, таящая под собой бездну злорадства. Её взгляд скользнул вниз, останавливаясь на моей руке, где красовался воспалённый ожог, и я почувствовала, как она растянула свои губы в ещё более широкую улыбку.

Я машинально сжала руку в кулак, чтобы скрыть дрожь, но было поздно — она уже увидела всё. Боль пронзила меня, но я заставила себя молчать, стиснув зубы так, что челюсти свело. Стыд и унижение пульсировали в такт быстро бьющемуся сердцу, но я упрямо держалась, не позволяя ни единому звуку вырваться наружу. Лейла наслаждалась этим зрелищем, как вампир, пьющий кровь своей жертвы.

«Ты думала, что тебе все сходит с рук?» — продолжила она, и её голос напоминал шёпот змеи. Её слова плавно обвивались вокруг меня, душили, сжимали, и я чувствовала, как воздух становится гуще, как будто я тонула в её жестокой, липкой ласке. Лейла медленно наклонилась ближе, чтобы её слова касались только меня, чтобы никто другой не услышал их. Это была её привилегия — унижать меня так, чтобы никто не знал, насколько глубоко она проникает своими словами.

«Теперь ты на своём месте,» — тихо добавила она, наклоняясь ко мне так, что я могла видеть каждую мелкую черту её лица. Она была прекрасна — красота гиены, которая слепит и ранит, но эта красота была ложью, скрывающей мрак её души. Её глаза изучали меня с холодным, ледяным удовлетворением, и я почувствовала, как внутри всё стынет. Я знала, что это её момент триумфа, её миг, когда она может воздвигнуть себя на пьедестал, обратив моё падение в своё торжество.

«И оставайся здесь. Потому что выше тебе уже никогда не подняться,» — она произнесла это так тихо, что её слова резали, как лезвие, скользящее по коже. Она наслаждалась этим зрелищем, её глаза сверкали торжеством. Казалось, что даже воздух вокруг нас стал гуще, насыщеннее её довольством. Я почувствовала, как внутри всё закипает.

- Когда-нибудь он узнает кто это сделал..., - я посмотрела ей прямо в глаза и сжала челюсти.

- Знаешь, Женя... — вдруг добавила она, и её голос стал ещё ниже, почти интимным, как у любовника, шепчущего на ухо. - Иногда я жалею, что тебя не убили тогда, когда всё это началось. Может, было бы лучше для всех, если бы тебя просто стерли с лица земли, а не оставили гнить здесь, как никчёмный мусор.

Она наклонилась ещё ближе, так что её дыхание коснулось моего уха, вызывая мурашки на коже.

- Но нет... Я рада, что ты жива. Потому что теперь я могу видеть, как ты мучаешься. И это — моё лучшее утешение.

Я почувствовала, как её слова жалят, как яд, проникающий в каждую жилку. Это было как удар в самое сердце, как открытая рана, которую она снова и снова царапала, наслаждаясь тем, как я пытаюсь сохранить остатки гордости. Лейла смотрела на меня, и её взгляд был как удавка, медленно сжимающаяся вокруг моей шеи.

- Ты жалкая, — сказала она, отступив на шаг и взглянув на меня сверху вниз. «И мне нравится, что ты это знаешь. Ты никогда больше не станешь тем, кем была. Никогда.

Она произнесла последнее слово с особым нажимом, как будто ставила точку в предложении, которое означало конец моей жизни.

Я молчала. Не потому что не могла сказать что-то в ответ. А потому что знала, что любой ответ — это её победа. Мои слова не могли бы её ранить, не могли бы сокрушить её самодовольную уверенность. И от этого внутри меня всё разрывалось, но я держалась, стиснув зубы до боли, чтобы не дать ей увидеть, как она меня ранит.

Глава 5

Но когда она ушла, я осталась стоять посреди коридора, чувствуя, как меня окутывает удушающая пустота. Я смотрела ей вслед и видела, как её силуэт постепенно растворяется в полумраке, но её слова продолжали отдаваться в моей голове, словно эхо. «Ты на своём месте. Ты никогда не поднимешься выше.»

И я поняла, что эти слова были для неё заклинанием, как мантра, которую она повторяла себе, чтобы удержать свою собственную власть. Она боялась, что я снова поднимусь. И именно этот страх, как ядовитая змея, жил внутри неё, заставлял её нападать на меня, когда я была слабее всего. Она хотела, чтобы я поверила, что не смогу выбраться. Что я больше никогда не поднимусь.

Но если в её словах был яд, то в моём молчании — была сила. Она пыталась раздавить меня, стереть, но каждый её удар лишь заставлял меня крепче сжимать руки в кулаки, будто я держала там последний осколок своей гордости, который не могла позволить себе потерять.

Я должна была терпеть. Но я знала — я ещё поднимусь.

Несмотря на всё это, внутри меня что-то ещё жило. Как будто теплилась маленькая, упрямая искра, которая не позволяла мне просто сдаться. Я знала, что если однажды поддамся, если позволю себе сломаться, то всё будет кончено. Я стану такой, какой они хотят меня видеть — пустой оболочкой, без воли, без надежды. Но даже когда боль и усталость выжимали из меня последние силы, я находила что-то, что держало меня на плаву.

Каждый раз, когда я опускала щётку или выливала очередное ведро воды, я клялась себе, что найду способ доказать свою невиновность. И не важно, что для этого потребуется. Моё оружие сейчас — терпение. Я собирала свои силы, свою гордость, превращала её в щит, который защищал меня от их насмешек и ударов.

В ту ночь, когда я вернулась в свою маленькую, тёмную комнату, ко мне пришла девушка из гарема - Зухра. Её тёмные глаза смотрели на меня с мягкостью, которую я давно не видела ни у кого из них.

- Ты не должна терять надежду, Женя, — тихо сказала она, и села рядом со мной.

Я не могла говорить. У меня не было сил ни на слова, ни на слёзы. Но её слова проникали в самую глубину моего сердца, заставляя меня почувствовать, что я не совсем одна. Я боялась, что если буду общаться с Зухрой, то втяну её в свои проблемы. Но её поддержка была тем светом, который позволял мне не сойти с ума.

Когда я осталась одна в своей комнате, я легла на жёсткую койку и закрыла глаза. Воспоминания захлестнули меня волной. Я вспоминала дом, Лизу, свою дочь, которую я, возможно, больше никогда не увижу, если не найду способ вырваться отсюда. Я знала, что должна найти выход. Если я не сделаю этого ради себя, я сделаю это ради неё. Я подожду... все должно измениться. Мои раны заживут, я поднимусь из пепла. Я смогу. Мне просто надо время.

Я не знала, сколько времени прошло с тех пор, как меня низвели до уровня прислуги. Дни и ночи сливались в одно бесконечное мучительное существование, где каждое утро начиналось с криков и унижений, а заканчивалось изнеможением и болью в теле. Меня заставляли делать всю самую грязную работу: чистить полы, выносить мусор, таскать тяжёлые ведра с водой, и всё это время я ощущала на себе презрительные взгляды, словно удары хлыстом.

Сегодня меня отправили в коридор, который вёл к личным покоям шейха. Я стояла на коленях, склонившись над холодным мраморным полом, и скребла его щёткой, как могла, но мои руки дрожали от усталости. Каждый раз, когда я наклонялась, чтобы окунуть щётку в воду, ожог на ладони пульсировал, обжигая кожу новой волной боли. Я старалась не обращать на это внимания, стиснув зубы так, что казалось, челюсть вот-вот лопнет. Я должна была продолжать. Это была моя новая реальность — скрести пол, словно грязь можно было бы стереть вместе с

унижением. Здесь, в коридоре, мне не нужно было видеть людей. Только слышать их голоса, их торопливые шаги, иногда — смешки, которые звучали за моей спиной. Они проходили мимо, игнорируя меня, как будто я была частью интерьера, как будто меня больше не существовало. Но иногда кто-то нарочно замедлял шаг, чтобы кинуть в меня унижительное слово или злобную насмешку. "Смотри, как упала наша королева," — услышала я недавно от одной из служанок, её голос прозвучал, как плевок. Я стиснула щётку крепче, до побелевших костяшек, чтобы не сорваться.

В очередной раз, когда я склонилась над ведром, чтобы выжать щётку, я почувствовала, как холодный воздух коснулся кожи. Коридор вдруг стал тихим, слишком тихим. Это была не та привычная тишина, что сопровождает каждую мою работу, это было нечто другое — тяжёлое, давящее, которое, казалось, опускалось на плечи, заставляя их дрожать под невидимым грузом. Я подняла голову, и тут наши взгляды встретились.

Он стоял там, в конце коридора, шейх Амирт, окружённый своей охраной, как всегда величественный и непоколебимый. Ещё недавно я бы отвела глаза, склонила голову и прижалась к полу, как к спасительному островку, чтобы скрыть свой страх. Но сейчас что-то внутри меня вспыхнуло. Может, это была гордость, может — чистое упрямство. Я не отрывала от него взгляд, даже когда почувствовала, как сердце пропустило удар и замерло, прежде чем вновь забиться с неистовой силой.

В его глазах не было ни малейшего намёка на жалость. Только холодное, колющее презрение, как иней, который обжигал сильнее, чем огонь. Секунда длилась вечность, и мне казалось, что весь коридор поглотила эта тишина, этот беззвучный диалог между нами. Я пыталась найти в его взгляде хоть что-то — намёк на смятение, на ту теплоту, которую видела когда-то. Но всё, что там было — это ледяная стена, которую невозможно разрушить. Не ненависть... нет. Именно адский лед.

«Ты получила, что заслужила,» — это не было сказано вслух, но я чувствовала это в его взгляде, как острый нож, который вонзается под рёбра и медленно поворачивается, причиняя нестерпимую боль. Он не произнёс ни единого слова, но каждый миг, пока его глаза были прикованы ко мне, был невыносимым. Ещё хуже, чем крики Фариды, чем удары, чем презрение остальных. Это был его молчаливый приговор, и он резал сильнее всех слов.

Я сдержала дыхание, чтобы не заплакать, не сорваться. Мои пальцы сжали щётку до боли, и я знала, что если сейчас отведу глаза, если хоть на миг покажу слабость, то он победит окончательно. Я не могла позволить себе этого. Я должна была выстоять, даже когда под этим взглядом мне хотелось упасть и исчезнуть, раствориться в этом мраморе, чтобы никто и никогда не нашёл моё тело.

Его присутствие давило, как груз, и когда он отвернулся, этот момент показался мне бесконечно долгим. Казалось, что прошло целую вечность, прежде чем он пошёл дальше, величественно шагая по коридору, как если бы меня там и не было. Как если бы всё это время он смотрел не на меня, а сквозь меня, как через пустое место. Но я видела, что даже этот его уход — часть унижения, которое он мне дарит так же щедро, как дарил подарки. Я стояла там, едва дыша, пока он не исчез за углом, и только тогда позволила себе выдохнуть. Боль в груди разрывала меня изнутри, но я заставила себя сдерживать слёзы. Нет, я не могла показать слабость. Не перед ним. Не перед этими стенами, которые видели слишком много.

Этой ночью за мной пришли

Ночь опустилась на дворец, окутывая его мрачными тенями, и я, уставшая и измученная, сидела в своей комнате, чувствуя, как каждая клеточка моего тела отдаётся тупой болью. Казалось, что весь день я пронесла на себе огромный груз, который всё никак не мог сбросить, и с каждым движением он становился только тяжелее. Я легла на жёсткую койку, пытаюсь закрыть глаза, но не могла уснуть. Мои мысли возвращались к шейху, к его холодному взгляду, к тому молчаливому приговору, который он вынес мне в тот момент.

Когда дверь тихо открылась, я сначала не поняла, что происходит. Тени скользнули по полу, заполнив комнату, и в следующее мгновение я увидела фигуры, чьи силуэты казались частью этой ночи. Охранники. Двое из них шагнули внутрь, даже не взглянув на меня. Я села, чувствуя, как страх пронзается иглами через позвоночник.

«Вставай,» — произнёс один из них, его голос был глухим, как удар в стену. Я не могла спросить, куда меня ведут. Я не могла ничего сделать, кроме как подчиниться. В этот момент я чувствовала себя ещё более маленькой и беспомощной, чем когда скребла полы.

Я встала, чувствуя, как дрожат колени, и позволила им увезти меня из комнаты. Коридоры, по которым они вели меня, были тёмными, тихими, и каждый их шаг отдавался эхом, как удар сердца. В этой тишине было что-то зловещее, что-то, что предвещало беду. Я шла, стиснув зубы, зная, что меня могут привести куда угодно. Наказание? Пытка? Смерть? Я готовилась к каждому из этих вариантов, но в глубине души знала, что должна быть готова к чему-то ещё.

Глава 6

Её привели ко мне под покровом ночи, в комнату, о существовании которой почти никто не знает. Никому не следовало видеть, что я снова поддался этому безумному желанию, снова позволил ей войти туда где грязи не место. Мне ненавистна сама мысль, что кто-то мог бы узнать, как глубоко её предательство всё ещё отравляет меня, как сильно оно тянет меня к ней, словно я не властелин, а простой смертный, пленный собственных чувств.

Она стоит передо мной, слегка дрожа — от страха или от ожидания, не знаю. Я ненавижу её за то, что она заставила меня вновь пойти на это. Моё сердце сжимается от злости на самого себя, но я всё равно не отрываю взгляда от её лица, от её глаз, в которых всё ещё горит этот непокорный огонь. Она не знает, какой я сейчас. Она не понимает, какую власть имеет надо мной, и я не допущу, чтобы она догадалась.

— Смотри на меня, — требую я, едва сдерживая ярость. Она не поднимает взгляд сразу, и я чувствую, как терпение на исходе. Каждый миг её молчаливого упрямства разжигает во мне огонь, который я не могу затушить. Я шагнул ближе, так, что расстояние между нами исчезло, и почувствовал, как она задержала дыхание, но всё-таки подняла глаза, полные той же дерзости, что и прежде.

Она думает, что всё ещё имеет какую-то силу. Думает, что я здесь ради неё. Глупая. Я здесь, потому что мне нужно стереть её из своей памяти, забрать каждый миг, каждую эмоцию, которую она когда-либо вызывала. Я сам её вызвал сюда, потому что хочу уничтожить это влечение, подавить его, как сорняк.

Мои пальцы скользнули к её шее, сильные, властные, и я чувствую, как её пульс бьётся под моей ладонью. Она слишком близко, слишком настоящая, и всё, что я хочу — это заставить её понять, что она для меня ничто. И всё же её тело, это проклятое, предавшее меня тело, разжигает внутри меня пламя, которое я не могу загасить.

Я наклоняюсь к ней, чувствуя запах её кожи, её дыхание, и этот момент сводит меня с ума. Как же мне ненавистно, что я по-прежнему хочу её, что её предательство не смогло разрушить эту тягу, не смогло убить во мне это безумие.

— Ты для меня — ничто, — шепчу я, хотя сам едва верю в свои слова. Она смотрит на меня, и в её глазах нет страха, нет покорности. Этот взгляд говорит, что она всё понимает, что она чувствует мою ярость, мою жажду, мою слабость. Она осознаёт, что даже в этой комнате, где никто не увидит нас, где моя власть абсолютна, — я тоже пленник.

И это только усиливает моё желание. Сдавил её горло ладонью.

Она всхлипнула, но не вырвалась, и это только больше подогрело моё раздражение. Мне нужно было увидеть, как этот огонь в её глазах гаснет, как её гордость рухнет подо мной. Моё дыхание было тяжёлым, каждый вздох давался с трудом. Как же она меня злит, как же она сводит меня с ума.

Я притянул её к себе, не позволяя ни на секунду сомневаться в моей власти, в том, что она — лишь тень той женщины, которая когда-то осмелилась обмануть меня. Я вижу её губы, сжатые, как будто она пытается скрыть свои мысли, свою слабость. Вижу, как её глаза закрываются. Она пытается остаться спокойной, но я знаю, что внутри неё бушует тот же вихрь, что и во мне. Увидел её сегодня днем и ошалел понял, как дико хочу эту дрянь эту суку. Хочу до сумасшествия.

Желание и ненависть борются во мне, и я не знаю, что сильнее. Каждый её вдох, каждый её вздох раздражает меня, но я всё равно прижимаю её крепче, жадно, будто хочу поглотить её, растворить её в своей ярости. Она больше не та гордая, дерзкая женщина, а всего лишь моё приобретение, то, чем я могу распоряжаться, как мне угодно. И всё же... эта её упрямость,

её молчание, её взгляд, полные чего-то невыразимого, заставляют меня забыть о всём, кроме этого момента.

Мои руки скользят по её телу, чувствуя, как её кожа поддается мне, и в этот момент я понимаю, что моя ненависть к ней — это всего лишь обратная сторона этого проклятого желания.

Мои руки крепко сжимают её плечи, и на долю секунды я вижу, как она морщится от боли, но не отводит глаз. Её молчаливое сопротивление и эта дерзость сводят меня с ума, заставляют забыть, зачем я здесь. Всё, что я хотел — это доказать себе, что она больше для меня ничего не значит. Лишь напомнить ей, что она изгой, что она больше не имеет никакого права на меня. Но её близость... её проклятое дыхание рядом... заставляют меня терять контроль.

- Давай, скажи что-то, не молчи... — мои слова резки, почти шипение. Я тянусь к ней ближе, не давая ей ни шанса отвернуться, не оставляя ей ни пространства, ни права отступить. Она здесь только потому, что я этого захотел, но почему-то мне кажется, что именно она управляет каждым моим движением.

Она не отвечает, но в её взгляде есть нечто, что я не могу вынести. Смешанные чувства, смесь презрения и едва заметного укора. Как будто она видит во мне не шейха, не хозяина, а человека, сломленного своим же собственным желанием. Этот взгляд разрывает меня, и я снова прижимаю её к себе, слишком сильно, как будто пытаюсь выдавить из неё даже тень этой дерзости.

Я наклоняюсь к её лицу, нащёпывая прямо у её уха, так тихо, что она может слышать только меня:

— Ты — ошибка. Ошибка, которую я должен был давно уничтожить.

Она вздрагивает, но её глаза по-прежнему полны этой безмолвной дерзости, этого молчаливого вызова. Она заставляет меня чувствовать себя слабым, разоблачённым, и эта мысль будоражит меня ещё сильнее. Я не хочу видеть её взгляд. Не хочу чувствовать, как её дыхание касается моей кожи, как её тело отвечает на мои прикосновения. Но чем больше я сопротивляюсь, тем сильнее становлюсь её пленником.

Мои пальцы сжимают её талию очень грубо, и я чувствую, как её тело поддается моему напору, но всё ещё не сдаётся. Она остаётся неподатливой, и в этом её сила. Я знаю, что она ждёт этого момента — момента, когда я наконец сорвусь, когда моя ярость уступит место чему-то более тёмному, чему-то, что я сам боюсь признать. И в то же время я ненавижу её за это. Ненавижу её за то, что она понимает меня лучше, чем я сам.

— Почему ты так смотришь на меня? Думаешь, знаешь меня? Думаешь, понимаешь, что я чувствую? — Я хватаю её за подбородок, заставляя смотреть мне прямо в глаза.

— Если бы ты знала, как я презираю тебя... как я презираю себя за то, что до сих пор хочу тебя, — говорю я, вцепившись в её волосы и наклоняя её голову ближе, как будто в этом жесте можно выместить всё моё раздражение, всё моё отчаяние. Она не отводит глаз, и я чувствую, как под её взглядом каждая моя защита рушится, как лед трескается под палящим солнцем.

Всё, что остаётся — это это желание, грубое, первобытное, невыносимое. Она должна быть моей — не ради удовольствия, не ради власти, а ради того, чтобы понять, почему её предательство так мучает меня. Почему она всё ещё сводит меня с ума, разрушая мой внутренний мир, ломая всё, что я так тщательно строил.

Её дыхание прерывисто, и я чувствую, как оно отражается на моей коже, проникает в каждый нерв. Её тело сдерживает себя, но в глубине я чувствую ответ. Она не сломлена, не покорна, и именно это, возможно, делает её такой... притягательной. Я склоняюсь к ней, не в силах больше противиться, и в этот миг вся ненависть сливается с желанием, вся ярость переплетается с притяжением.

Ненавижу её за это. И в то же время хочу, как никого и никогда.

Я склоняюсь к её губам, уже не контролируя себя. Мой поцелуй — жёсткий, тонущий в ненависти растворяющий мои нервы как серная кислота, я насилую ее рот, я впиваюсь в него укусами, кусаю ее нежные губы. Она сжимает зубы, сопротивляется, и это только больше разжигает моё желание. Мои пальцы скользят по её лицу, ощущая тепло её кожи, эту её проклятую, непробиваемую стойкость.

Она принадлежит мне, но в то же время я чувствую себя её пленником. Это чувство настолько болезненно, что я не могу выдержать, и всё равно не отпускаю её.

Я не отрываю взгляда от её лица, пытаюсь понять, что же я сделал. Какой чертой я пересёк границу между ненавистью и этой невыносимой потребностью в ней, в её присутствии. Мне ненавистно, что она заставила меня так поддаться, так потерять контроль, и я знаю — это не конец. Эта борьба, эта боль, это желание... они станут моей тенью, преследуя меня, пока она рядом. Я скользнул рукой вдоль её спины, заставляя её прижаться ближе, чтобы чувствовать её тепло, её трепет. В этом акте не было места для нежности — только жёсткая, властная жажда обладать ею, стереть её гордость, заставить её понять, что она никогда не сможет уйти от меня, никогда не сможет выбросить меня из своей жизни. Каждое моё движение было насыщено яростью, но где-то глубоко, под слоями гнева, я знал, что эта ненависть к ней — лишь обратная сторона безумного, непримиримого желания.

Её пальцы напряглись на моих плечах, как будто она пыталась держаться, сохранить равновесие, но я не дал ей ни секунды покоя. Схватил, придавил животом к стене, задирая ее грубое платье, сдирая с нее трусы.

Дернул молнию на штанах и с рыком вошел в ее тело, одним мощным ударом. И это охренеть как хорошо, войти туда где так тесно, горячо и все же сухо... Плевать. Я здесь не для того чтобы доставлять ей удовольствие. Прелюдий не будет, ласк не будет. Я просто хочу ее трахать. Так хочу, что меня всего трясет. Никакого удовольствия шармуте.

- Больно? Тебе теперь всегда будет больно! Я здесь только для того чтобы убивать тебя! - прохрипел ей в затылок, прижимая ее голову к стене, оттопыривая округлый красивый зад, впиваясь в него пальцами и делая первый толчок. — Как тебя трахал твой муж? А этот ублюдок? Думаешь его не нашли? Думаешь он остался жив...Его тело жрут черви... точнее те куски которые остались.

Толкаюсь внутри нее, ощущая членом матку и зверея от этого Она настолько маленькая, что мой член в нее с трудом помещается. Даже девственницы не были настолько мелкие и узкие как она. Этот сын шармуты тоже в нее входил и орал от удовольствия как я сейчас ору от каждого толчка. Мне до бузумия хочется ее ласкать, хочется терзать пальцами ее клитор, сосать соски, лизать все ее тело. Но она не достойна даже моих прикосновений. Только боль для нее. И пусть ей все это не нравится. Мне насрать. Потому что мне хорошо.

Вдираюсь почти по самые яйца, удерживая за волосы и смотрю, как искажается от каждого толчка ее лицо,

Как же я хотел узнать что такое когда она кончает...Но она этого не достойна. Сжал ее затылок вбиваясь все сильнее и сильнее, осатаневая от ее стонов, криков, от ее слез, от следов своих пальцев на нежной коже. Ни с одной женщиной я не был таким, никогда не брал силой... Она первая. Другую бы уничтожил, а эту не могу.

Толчки сильные, рваные, она вертится ей больно принимать меня так глубоко.... А я.... Я кончаю, да... я адски остро дико кончаю внутри ее тела, рыча и содрогаясь, задирая голову и закатывая глаза от сумасшедшего наслаждения. Так и оставил у стены. Она сползла на пол, а я переступил через нее застегивая штаны и вышел в коридор.

- Уведите ее...

Глава 7

Лейла вернула себе привилегии и влияние в гареме, скрытом от внешнего мира в роскошных залах старинного дворца. Этот дворец, унаследованный шейхом от его предков, хранит на своих стенах следы многих поколений. Высокие арки, мраморные колонны, покрытые изящной резьбой, старинные зеркала в золотых рамах, персидские ковры, сотканные вручную много десятилетий назад, — всё здесь говорит о древней, уважаемой династии и богатой истории, сокрытой от любопытных глаз современности. Шейх скрывает этот дворец, словно драгоценную реликвию, но для Лейлы это место стало домом, и теперь, наконец, она снова его полноправная хозяйка. Страх потерять все начал отступать... Но съедало то, что русскую сучку не покарали как следует. Не закидали камнями, не отдали на съедение псам, как некоторых других шармут посмевших развратничать. А еще... происходило нечто весьма странное. Шейх не приходил по ночам ни к Лейле, ни к кому-то еще из своих рабынь. Зная его темперамент Лейла не могла понять что случилось? Неужели шейх так страдает из-за этой дряни.

Но все же она наслаждалась тем, что ее место возле шейха больше не ставилось под сомнение.

Её покои залиты мягким светом старинных светильников из резного стекла, наполняющих комнату теплым, янтарным сиянием. Мягкие бархатные подушки, тяжёлые шёлковые занавеси, пахнущие ладаном и мускусом, — здесь каждая деталь напоминает о роскоши, о статусе, который она сумела вернуть. В этот момент Лейла сидит на широком диване, обитом глубоким пурпурным бархатом, и её лицо светится от едва сдерживаемого удовольствия.

Вокруг неё, на коленях, тихо склоняются несколько преданных служанок, почтительно опустив головы. Они приносят ей скромные дары — фрукты и сладости на низком столике перед ней, а сами шепчут слова благодарности и восхищения. Эти женщины — те немногие, кто остался верен Лейле в трудные времена, и теперь они понимают, что сделали правильный выбор.

«Вы — истинная госпожа этих покоев, сайида Лейла. Благодаря вам гарем снова обрел мир и порядок,» — произносит одна из служанок с осторожным благоговением, избегая встречаться с её взглядом. Она чуть склоняется вперёд, словно бы осмеливаясь коснуться края её платья, но замирает, так и не решившись.

Лейла отвечает ей едва заметным кивком. Она принимает эту дань уважения, эту робкую лесть, как нечто само собой разумеющееся. В конце концов, она заслужила это своим умом, выдержкой и упорством. Она вновь завоевала своё место в этом тайном мире и теперь наслаждается ощущением полной и безоговорочной власти. Евгения, её главная соперница, та, кто когда-то посмела бросить ей вызов, теперь повержена, унижена и сведена до роли простой прислуги, поломойки. От одной мысли об этом Лейла чувствует внутри сладкое, тёмное удовольствие.

Она подносит к губам бокал с красным вином, редким и дорогим, и делает небольшой глоток. Этот момент триумфа для неё — как это вино, тягучее, насыщенное, с долгим и горьковатым послевкусием. Каждый миг этого вечера она смакует, как бокал лучшего выдержанного напитка, отдаваясь во власть торжественного спокойствия и уверенности.

«Ах, Женья...» — мысленно произносит Лейла, позволяя себе лёгкую усмешку, — *«где теперь твоя гордость? Где твоя дерзость? Ты думала, что можешь сравниться со мной?»* Перед её мысленным взором возникает образ Жени: подавленной, бледной, с потупленным взглядом, вынужденной смиренно выполнять поручения тех, кого она когда-то пыталась превзойти. Это зрелище дарит Лейле чувство тихой, почти зловещей радости, как будто её победа стала воплощением справедливости.

Одна из служанок, Самира, осторожно поднимает голову и добавляет: «Сайида Лейла, с вами наш гарем снова под защитой. Теперь вы — единственная госпожа, и все это знают.»

Лейла кивает, впитывая её слова, как нечто абсолютно естественное. Она ощущает, как её триумф становится всё более осязаемым, как каждый шёпот почтения, каждая склонённая голова только усиливают её уверенность. В этот миг она — не просто фаворитка, не просто доверенное лицо. Она — настоящая хозяйка этого древнего дворца, полного загадок и роскоши, наполненного тайной историей рода шейха, которая теперь принадлежит ей, как наследие, которое она завоевала сама. Придет время и ее сыновья будут править Аль Музафией.

Она закрывает глаза, позволяя себе на мгновение погрузиться в это ощущение. Её победа — как тягучий аромат ладана, окутывающий её, погружающий в спокойное, глубокое удовлетворение. Гарем, эта спрятанная жемчужина богатства и тайного могущества, теперь окончательно под её контролем. Евгения повержена, и теперь Лейла знает, что её место рядом с шейхом отныне непоколебимо. Но нужно укрепить свое положение... и утопить соперницу в грязи, добиться ее полного уничтожения.

Лейла тихо входит в кабинет шейха, как тень, мягкая и бесшумная, словно ночной ветер, несущий с собой едва уловимый аромат ладана. В этом просторном кабинете, где царит прохладный полумрак, её фигура на фоне тёмных дубовых полок и кожаных кресел кажется призрачной, почти неземной. Она подходит ближе, но не слишком близко — ровно настолько, чтобы шейх ощутил её присутствие, но не почувствовал угрозы.

Шейх сидит за тяжёлым, резным столом, погружённый в мысли, которые явно не дают ему покоя. Лицо его остаётся бесстрастным, как высеченное из мрамора, но Лейла знает его достаточно, чтобы заметить едва различимую тень усталости в напряжённой линии его губ, в том, как плотно он сжал пальцы на краю стола. Он молчит, но в этом молчании чувствуется скрытая тревога, словно тёмное, медленно сгущающееся грозовое облако. Лейла знает: её слова могут стать искрой, которая подожжёт это облако, и ей лишь нужно правильно выбрать момент.

Она выжидает, позволяет тишине наполнить комнату, а потом начинает говорить — мягко, с оттенком сочувствия, почти как старый друг, который разделяет с ним боль и тяготы. Её голос — тихий и ровный, но в каждом слове звучит подтекст, скрытая, коварная мелодия, которая, как она знает, заденет его за живое.

— Знаете, господин... иногда мир кажется странным, несправедливым, — она говорит медленно, словно размышляя вслух. — Есть люди, которым даруют милость, даже когда они этого не заслуживают. Люди, которым пощадили жизнь... даже после того, как они обесчестили всё, что было для вас священно.

Она делает паузу, не сводя взгляда с его лица, и видит, как его пальцы едва заметно напрягаются. Он не отвечает, но её слова уже проникли в его сознание. Шейх не смотрит на неё, но Лейла знает — он слушает. Каждое её слово впитывается в его разум, словно яд, медленно и незаметно.

— Я просто... иногда думаю о таких, — продолжает она осторожно, едва уловимо смягчая голос, — тех, кто получил второй шанс, когда они, возможно, должны были потерять всё. Как они поступают с этим шансом? Ощущают ли они благодарность? Или, может быть, принимают вашу милость за слабость?

Она выжидает, давая ему время осмыслить. Лейла знает, что он редко позволяет себе сомневаться в своих решениях, но в этот момент её слова будят в нём нечто глубокое, тёмное. Он вспоминает ту ночь, когда обнаружил предательство, вспоминает ярость, которую едва сдержал, оставив Евгению в живых. Её тогда пощадили, но не простили, и каждый раз, когда он видит её, ему приходится напоминать себе о том, почему он сдержался. А почему он сдер-

жался? Она не хочет даже думать об этом... Он не может любить эту тварь. Это слишком унижительно для такого мужчины как Амирт.

Лейла делает шаг ближе, её глаза светятся мягким, почти материнским сочувствием. Она словно говорит не о Евгении, а о ком-то далёком, о собирательном образе, о той самой "неблагодарной", которая была спасена, но не оценила этот дар.

— Такие люди, господин... они ведь считают, что вы просто обязаны были пощадить их. Они не видят великодушия, они не понимают вашего благородства. Для них это всё лишь... обязанность. И они смотрят на вас так, словно вы для них — не защитник, а... тюремщик. Они даже называют вас так вслух... монстр, тюремщик, чудовище...

Она произносит последние слова почти шёпотом, будто бы случайно, как незначительное замечание, но при этом внимательно следит за его реакцией. Её слова не прозвучали как прямое обвинение, но она видит, как его глаза слегка прищуриваются, как напряжение в его лице усиливается. Лейла чувствует, что её слова коснулись чего-то болезненного, скрытого глубоко внутри него. Эта обида, которая едва ли отдавалась в его сердце, теперь выходит на поверхность, пробуждаясь в ответ на её намёки.

— Конечно, это всего лишь слухи, — добавляет она мягко, делая шаг назад, как будто смущённая собственной дерзостью. — Быть может, кому-то просто показалось. А я лишь... видела, как некоторые из ваших подданных, те, кому вы даровали жизнь, смотрят на вас с холодом и ненавистью. И мне стало так больно, господин... за вас.

Она опускает голову, делая вид, что смущена своей прямоотой, но в этот момент она бросает на него быстрый взгляд из-под ресниц, проверяя, как он отреагирует. Шейх смотрит куда-то в сторону, его лицо остаётся холодным и неподвижным, но Лейла чувствует, как внутри него закипает гнев. Он не позволяет себе показать слабость, не выдаёт ни одного лишнего движения, но для неё очевидно: её слова попали точно в цель.

— Ты права, Лейла, — его голос звучит тихо, но в каждом слове слышится подавленная ярость, словно раскалённое железо под слоем снега. — Возможно, я действительно был слишком мягок с теми, кто этого не заслужил.

Лейла опускает глаза, но внутри неё разгорается триумф. Она видит, как тень ярости, разочарования и обиды обволакивает его мысли, как её слова оставляют болезненный след в его душе, заставляя сомневаться в собственной щедрости. Это не был гнев, яркий и мимолётный — это было что-то более глубокое, то, что будет медленно разъедать его изнутри, как ядовитый туман, отравляющий каждый его взгляд на проклятую Евгению.

Она наклоняет голову, делая вид, что хочет уйти, чтобы оставить его наедине с этими мыслями, но не уходит сразу. Она задерживается ещё на мгновение, позволяя тяжёлой, гнетущей тишине наполнить комнату, давая шейху ощутить всю боль его собственных сомнений.

— Благодарю вас за вашу мудрость, господин, — добавляет она почти шёпотом, отступая к двери. — Ваше прощение достойно восхищения... но иногда доброе сердце может быть по-настоящему обмануто.

Шейх не отвечает. Он остаётся наедине со своими мыслями, глядя в одну точку, и её слова словно растворяются в тишине, оставляя лишь едва ощутимый осадок горечи. Она уходит, но знает, что её присутствие останется здесь — в каждом его сомнении, в каждом взгляде на Женю, в каждом напоминании о том, что великодушие иногда может стать не слабостью, но причиной ещё большего разочарования.

Глава 8

Шахид. Тень, которая всегда следовала за братом, как незримая угроза, как нож, спрятанный в потоке шелков и золота этого дворца. Младший брат. Второй. Всегда на шаг позади, всегда за кулисами. Амирт был героем, шейхом, тем, кто приковывал к себе взгляды, тем, кому все внимали и кланялись. А Шахид был тем, кто скрывался в темноте, вынужденный глотать собственные амбиции и улыбаться, когда его брат собирал лавры.

Но внутри него всё горело. Ненависть, острая и яркая, как кинжал, застрявший в груди. Зависть, кипящая в крови. Он знал, что по праву достоин большего, но Амирт всегда стоял на его пути, словно непробиваемая стена, и год за годом заставлял его жить в своей тени. В детстве Шахид ещё пытался восхищаться братом, пытался быть таким же — гордым, уверенным, почитаемым. Но со временем восхищение превратилось в злобу. Он был не хуже, нет, лучше — хитрее, умнее, более изощрённый, способный на такие ходы, до которых его брат никогда бы не додумался. А значит, заслуживал большего. Намного большего.

Шахид привык прятать свои амбиции за ледяной маской, но каждый раз, когда он видел, как Амирт стоит во главе зала, принимает почести, отдаёт приказы — каждый раз, когда его брат бросал на него чуть свысока пренебрежительный взгляд, Шахид ощущал, как внутри него всё закипает. Этот взгляд... брат смотрел на него, как на слугу, как на исполнителя, как на пса, который всегда будет рядом, всегда будет поддерживать, всегда останется верным. Но Амирт ошибался. Шахид был верным только самому себе и своим желаниям.

Он не хотел власти ради власти. Ему не нужно было пустое величие. Он хотел сломать Амирта, опустить его с небес на землю, показать ему, что значит быть вторым, быть ничтожеством, которого никто не замечает, которое все игнорируют. Он хотел видеть, как его брат рухнет, как из его глаз исчезнет эта дурацкая, самоуверенная искра, как он останется один, преданный, униженный. Только тогда, когда Амирт потеряет всё — дворец, своих союзников, свою уверенность — только тогда Шахид сможет сказать себе, что добился своего.

И тут была Лейла. Амбициозная, хитрая Лейла, с глазами, полными ледяного огня. Он понимал, что для неё это тоже не просто игра. Она хотела не просто стать единственной фавориткой. Она хотела уничтожить ту жалкую, никчёмную Женю, выбросить её за пределы этого мира, словно сорную траву, которую вырывают с корнем. И она была готова заключить с ним союз ради этой цели.

Но Шахид не собирался делиться с Лейлой своими истинными желаниями. Она была полезной, да, умела манипулировать Амиртом, нашёптывать ему на ухо свои ядовитые слова, посеивать сомнения. Она могла сыграть ключевую роль, чтобы разрушить этот монолит доверия, который Амирт построил вокруг себя. Но она была лишь пешкой, пусть и хитрой, пусть и изворотливой. Он доверял ей ровно настолько, насколько доверяли змеи друг другу.

И был ещё один барьер между ним и его целью — Халид, советник Амирта. Этот старый шакал был ближе к его брату, чем он сам. Халид знал каждый тайный уголок дворца, каждый шёпот, каждую тайну. И его присутствие рядом с Амиртом было как кость в горле для Шахида. Пока этот советник оставался в игре, Шахид не мог приблизиться к брату. Халид был не просто преданным человеком. Он был преградой, железным барьером, который защищал Амирта от реальности, от любого нападения, от любой интриги. И это бесило его. Шахид был уверен: уберечь Халида — и Амирт останется уязвимым, ослеплённым, лишённым своего щита.

Шахид не мог не признать — Амирт был достойным лидером. Умный, твёрдый и рассудительный, он управлял дворцом и его секретами с железной рукой. Но именно эти качества и порождали в Шахиде глубокое, едва сдерживаемое презрение. «Почему именно он?» — задавал он себе этот вопрос снова и снова, с тех пор, как осознал, что будет всегда стоять на несколько

шагов позади. *«Почему все права, вся власть и уважение принадлежат ему, а я вынужден лишь следовать за ним и покорно кивать на каждое его слово?»*

Каждый раз, когда Шахид видел, как Амирт идёт по залам дворца с гордо поднятой головой, его сердце сжималось от злости. И хотя он мастерски скрывал свои чувства, его взгляд иногда выдавал истинную природу его замыслов. Он мечтал о дне, когда сможет стать тем, к кому обращаются с почтением, кто принимает решения и раздаёт приказы, кого боятся и уважают не из-за родства, а из-за силы.

Шахид стоял в полутёмном зале, прислушиваясь к шёпоту древних стен и тихим шагам, приближающимся к нему. Лейла появилась, как всегда, бесшумно, её силуэт сливался с мраком, и лишь слабый свет, пробивающийся сквозь высокие окна, едва очерчивал её лицо. Она остановилась напротив него, не говоря ни слова. Шахид знал, что они оба понимают — они здесь не для пустых разговоров.

— Ты прекрасно знаешь, что Амирт ошибается, — произнёс он, не тратя времени на приветствия. — Он окружил себя людьми, которые ему не так уж и верны, которые преследуют свои цели. Это только вопрос времени, когда его доверие обернётся против него.

Лейла смотрела на него внимательно, не перебивая, её глаза были спокойны и холодны. Шахид понимал, что она его слушает, что её интересует не столько сама интрига, сколько её личная выгода. Лейла не была женщиной, которая вступала в союзы ради дружбы или симпатии. Её мотивы были так же прозрачны, как и его собственные.

— Ты говоришь о Евгении? — спросила она наконец, с лёгким прищуром, который выдавал её неприязнь. Но Шахид покачал головой, и его губы тронула ледяная усмешка.

— Евгения — это только часть проблемы, — ответил он, сдержанно, но с тенью презрения. — На самом деле, не она представляет главную угрозу для меня. Как ты знаешь, мой брат окружён советниками. Но один из них — как нож, который торчит из моей спины, и, возможно, из его тоже.

Лейла приподняла бровь, едва уловимым жестом показывая интерес. Шахид знал, что этот разговор не обойдётся без рискованных откровений, но игра стоила свеч.

— Халид, — произнёс он, чуть понизив голос, — его советник и правая рука. Этот человек ближе к моему брату, чем я сам. Он знает все его мысли, все слабости. Амирт доверяет ему настолько, что почти забывает о моём существовании. Пока рядом с ним Халид, я всегда останусь в тени.

Имя главного советника прозвучало, как тяжёлый удар, висящий в тишине. Лейла чуть кивнула, и Шахид видел, как её взгляд стал ещё более сосредоточенным. Он знал, что она понимает, насколько важен для него этот шаг.

— Ты хочешь убрать его? — тихо спросила она, её голос был ровен, но в глазах мелькнул блеск понимания. — Ты понимаешь, что это непросто. Халид — не тот, кого можно устрасить или подкупить. Он... хитёр.

— Я это знаю, — сдержанно ответил Шахид, скрывая раздражение. — Но и ты знаешь, что его присутствие между мной и Амиртом усложняет все планы. Пока Халид у него под боком, я для него — не больше, чем младший брат, должный беспрекословно подчиняться. Нужно пошатнуть доверие шейха к Халиду... Сильно пошатнуть.

Он сделал паузу, внимательно наблюдая за её лицом. Лейла была человеком, который умел манипулировать, и если кто-то мог подорвать доверие Амирта к Халиду, то это была она.

— Помоги мне устранить его влияние, Лейла, — сказал он, медленно и чётко проговаривая каждое слово. — Только после этого я смогу сдержать свою часть сделки и избавиться от Евгении раз и навсегда. Пока Халид рядом с моим братом, твоя победа над рыжей не будет полной. Этот человек защищает интересы Амирта и всех, кого Амирт считает достойными доверия... А еще... возможно это он нашептывает чтоб он помиловал русскую.

- Зачем ему это?

- Иметь союзницу. В твоём лице это вряд ли ему удастся, а вот Рыжую можно вылепить так как ему угодно. Подложить под Амирта, вытягивать информацию, укрепить свои позиции. Так что он не только мой враг, но и твой тоже.

Лейла пристально смотрела на него, обдумывая его слова. Она понимала, что это предложение несёт для неё немалый риск, но также осознавала, что союз с Шахидом может открыть перед ней новые возможности. Устранение Халида — ключевой шаг. Если они избавятся от советника, то смогут манипулировать Амиртом куда легче.

— Халид... — медленно повторила она, будто примеряя его имя на вкус. — Твой брат считает его преданным. Устранить его без подозрений будет непросто. Но ты прав... это, пожалуй, можно устроить.

Она сделала паузу, и Шахид увидел, как её взгляд смягчился, но только на долю секунды — почти незаметное, но искреннее признание того, что она рассматривает его предложение всерьёз. Он знал, что Лейла умела играть на чувствах, но сейчас в её глазах сверкнул холодный расчёт, и это устраивало его.

— Допустим, я смогу поколебать доверие Амирта к Халиду, — медленно сказала она, не отрывая взгляда от его лица. — Я посею в нём сомнения, заставлю его увидеть в своём советнике угрозу... Но что ты предложишь взамен? Можешь ли ты гарантировать, что после того, как Халида не станет, ты избавишь меня от Евгении навсегда?

Шахид чуть наклонился к ней, так что она могла видеть его лицо и чувствовать его присутствие почти физически. Он позволил себе короткую усмешку, ледяную и мрачную.

— Если Халид исчезнет, — прошептал он, — я помогу тебе избавиться от неё так, чтобы от нее не осталось даже воспоминаний... Тебе не нужно будет больше опасаться её присутствия. Я обещаю, Лейла, но только если ты сдержишь свою часть сделки.

Лейла изучала его взглядом, её лицо оставалось спокойным, но Шахид видел, что её ум лихорадочно работает. Она взвешивала риски, оценивая его готовность пойти до конца. В этот момент она была ему равной — такой же хищник, способный на всё ради достижения своей цели.

— Хорошо, — наконец произнесла она, слегка кивнув. — Я сделаю так, чтобы Амирт усомнился в Халиде.

- Если ты не сдержишь слово, Лейла, или задумаешь вести двойную игру... — его голос стал твёрдым и холодным, — я не буду столь милосердным, как мой брат. Я не прощаю предательства.

Она улыбнулась, отвечая ему таким же холодным, насмешливым взглядом.

— Взаимно, Шахид. Взаимно.

Союз был заключён. Это была сделка двух людей, которые не доверяли друг другу, но были связаны общей целью. Шахид знал, что Лейла — не союзник в привычном смысле. Она — инструмент, средство достижения цели. Но и он для неё был тем же. Когда она скрылась в темноте, оставив его одного в пустом зале, он знал, что шаг за шагом приближается к своей мечте.

Амирт потеряет всё, — подумал он, глядя в пустоту. И тогда этот дворец, его власть и эта страна будут принадлежать мне.

Глава 9

Когда Халид окажется вне игры, Лейла, конечно, захочет получить своё вознаграждение. И он ей его даст. Рыжая исчезнет так же быстро, как появилась, и Лейла получит свою долгожданную корону.

Но Шахид знал, что после того, как их общий враг падёт, она станет его следующим препятствием. И он уберёт её так же, как уберёт Халида и Амирта, когда придёт время. Она была удобна, но не более. Этот союз был лишь шагом к его цели — окончательному падению его брата.

С этими мыслями он покинул зал, его лицо оставалось холодным и непроницаемым. В нём не было радости, не было возбуждения. Только твёрдое, мрачное удовлетворение. Всё шло по плану.

Шахид прекрасно знал, что этот момент — редкий шанс, возможно, единственный, когда он может спокойно действовать, не боясь, что его разоблачат. Амирт и Халид отсутствовали в стране, уехали в деловую поездку, о подробностях которой никто не знал, кроме самых близких доверенных лиц. Они должны были заключить важное соглашение с одним из зарубежных партнёров, и Амирт взял с собой Халида — своего верного советника, свою тень, свой щит, за которым всегда скрывался.

Для Шахида это была идеальная возможность. Брат и его правая рука были далеко, оставив дворец и всю страну в его руках. Пока шейх и его советник занимались своими делами за границей, Шахид начинал свою игру здесь, в их отсутствие, словно хищник, оставшийся на охоте без надзора. От одного осознания этого его губы тронула едва заметная, ледяная усмешка. Всё было слишком удачно, чтобы быть совпадением. Он знал, что время сейчас на его стороне.

Он тщательно подбирал слова, намёки, обращённые к советникам, и его голос был одновременно мягким и настойчивым, как ядовитый шёпот, разъедающий спокойствие. Каждый раз, когда он упоминал о слабостях шейха, о его личной драме и отвлечённости на гарем, он делал это так, будто заботился исключительно о стабильности страны. Ему не нужно было прямо говорить, что Амирт стал слишком мягким, слишком уязвимым. Он лишь осторожно подталкивал советников к тому, чтобы они сами делали выводы.

— Вы ведь понимаете, — говорил он как-то раз, когда обсуждение коснулось планов на ближайшие месяцы, — что в наше время мы не можем позволить себе отвлекаться на личные дела. Сейчас нужно думать о будущем страны, о том, чтобы защитить её от внутренних и внешних угроз. Но разве мы можем позволить себе такую роскошь, когда наш правитель... поглощён другими заботами?

Он замолчал, будто сам не решаясь продолжить мысль, но видел, как его слова, как яд, медленно растворяются в сознании его слушателей. Советники переглянулись, кто-то осторожно кивнул. Отсутствие шейха и его советника создавало в воздухе особую атмосферу, почти тревожную. Их не было, и никто не знал, когда именно они вернутся. Это породило в сердцах советников и приближённых неосознанное беспокойство, которое Шахид с удовольствием усиливал.

В их отсутствие он мог делать то, о чём давно мечтал. Он мог показывать себя как достойного и надёжного руководителя, чьи слова звучат трезво и рассудительно, кто, в отличие от шейха, не увлекается личными страстями и не позволяет эмоциям затуманивать разум. Он видел, что его слова попадали в цель, как хорошо наточенные стрелы.

— Амирт — справедливый правитель, никто не спорит, — продолжал он, делая вид, что защищает брата. — Но разве не было бы разумно иметь... дополнительную опору, пока

его нет рядом? Сильное плечо, на которое можно опереться, если вдруг понадобится. Вы ведь понимаете, как это важно для нашей страны.

Он говорил это почти как бы между прочим, бросая короткие взгляды на лица советников, проверяя их реакцию. Ему не нужно было настаивать, ему даже не нужно было задавать прямые вопросы. Он видел, как старшие советники переглядывались, как кто-то кивал едва заметно, как их взгляды начинали полниться тревогой, пока не оборачивались к нему — к Шахиду, младшему брату, который, как всегда, стоял в тени. Но теперь эта тень начала казаться им надёжной.

Пока Амирт и Халид отсутствовали, Шахид был готов играть свою роль до конца. Он выглядел как заботливый младший брат, верный своей семье и стране, но его настоящая цель была куда мрачнее. Он хотел, чтобы советники и приближённые начали видеть в нём не просто «резерв», не просто подстраховку на случай непредвиденных обстоятельств. Он хотел, чтобы они видели в нём того, кто сможет вести их вперёд, когда наступит кризис. Того, кто спасёт страну, когда её правитель окажется слишком слаб.

Шахид понимал, что его слова распространяются по дворцу, словно туман, наполняя сознание всех, кто их слышит, лёгкой тревогой и одновременно странным успокоением. Он знал, что через какое-то время его образ заботливого младшего брата, готового стать «резервным правителем», закрепится в умах советников и придворных. Его план был медленным, но верным. Он не собирался действовать в открытую. Наоборот, он хотел, чтобы его влияние росло изнутри, тихо, незаметно, пока не станет частью самого дворца.

Когда Амирт и Халид вернутся, Шахид не сомневался, что они ничего не заподозрят. Он снова примет свою привычную маску покорного и благоразумного младшего брата, который всего лишь заботится о благополучии семьи и страны. Но когда наступит время, когда придёт день, которого он так ждал, — у него уже будет достаточно влияния, чтобы одним точным ударом сорвать Амирта с трона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.